

представление о действительно здоровом и достойном образе жизни, что поможет в дальнейшем избежать нежелательных ситуаций, которые могут негативно отразиться на здоровье каждого в отдельности; здесь самое прямое участие должны принимать все средства массовой информации (телевидение, радио, печать). 2) Выявление наиболее важных социальных факторов, оказывающих провоцирующее воздействие на человека и непосредственное их устранение или сведение до минимума, например, оказание своевременной материальной помощи малообеспеченным или многодетным семьям, психологическая коррекция зависимых состояний, обеспечение лекарственными препаратами, соблюдение всех социальных гарантий. 3) Совместная работа с клиентами по предупреждению ряда форм зависимого поведения (табакокурение, злоупотребление алкоголем и т. п.).

Также важнейшим направлением является реабилитация людей, попавших в замкнутый круг зависимого поведения. Здесь необходим целый комплекс социально-экономических, педагогических, медицинских мер воздействий, которые направлены на предупреждение развития патологических процессов, приводящих к временной или стойкой утрате трудоспособности, полное или частичное восстановление нарушенных функций организма, повышение степени адаптационных ресурсов человека и его активности в жизни общества. Степень восстановления социальной активности человека и его адаптационных ресурсов является своеобразным окончанием медико-социальной работы.

В настоящий момент в различных социальных учреждениях обеспечение профилактической работы по проблеме зависимостей сводится в основном лишь к чтению лекций, т.е. к сообщению информации о вреде, наносимом зависимым поведением. Несмотря на то что такая информация, скорее всего, является полезной при ее грамотной подаче, только лекторско-просветительская работа не решит проблемы. В целях предупреждения развития зависимого поведения необходимо целенаправленно формировать личностное сопротивление к приему вредных для здоровья веществ, чувство меры при взаимодействии с компьютером, экзистенциальное чувство опасности при возможных контактах с сомнительными культурами организаций; формировать и развивать экзистенциальный комплекс базовых социальных умений, формировать автономное ответственное поведение,

подразумевающее ответственный выбор подростков способов удовлетворения своих потребностей и способов решения своих проблем. Требуется специальная организация молодежи в приобретении такого опыта, а следовательно, и соответствующего обеспечения. Во многих работах отечественных педагогов и психологов (Иванов И. П., Караковский В. А., Ковалев А. Г., Коломинский Я. Л., Кон И. С., Макаренко А. С., Музыбайев К., Парыгин Б. Д., Петровский В. А., Рean А. А., Сухомлинский В. А., Трусов В. П., Фельдштейн Д. И. и др.) акцентируется просоциальная активность, как необходимость для полноценного развития, а следовательно, и предупреждения девиантного поведения. Включение подростка в просоциальную группу рассматривается как один из способов вытгивания подростков из групп делинквентного характера. В аспекте предупреждения зависимого поведения, связанного с употреблением психоактивных веществ, привлекательные просоциальные группы могут сыграть решающую роль. Наличие общности, совместности в жизни подростка и взрослого, сотрудничества между ними, в процессе которого происходит становление новых способов их социального взаимодействия, рассматривается как общее психолого-педагогическое требование благополучного разрешения подросткового кризиса. Поскольку создание общности в жизни взрослого и подростка, расширение сферы их сотрудничества и содержательных контактов составляют необходимые условия преодоления кризиса отрочества (Реан А. А., 1993).

В современных условиях развития российского общества возрастает значимость поиска новых видов и форм социально значимой деятельности, способных создать условия для самоутверждения и самовыражения современных подростков. Участие в социально признаваемой и одобряемой деятельности дает возможность подростку осознать и оценить себя, приобрести уверенность, развить общественно направленную мотивацию, адекватно воспринять внешнюю оценку других.

Таким образом, проведенный анализ проблемы зависимого поведения в современных условиях показал, что для решения ее важен комплексный подход. При этом в силу особенностей зависимого поведения, а также трудностью лечения и коррекции важно в полной мере использовать превентивные профилактические мероприятия для снижения остроты данной проблемы.

1. Божович Л.И. Психология. — 1972.
2. Василюк Ф.Е. Психология стресса. — 1984.
3. Выготский С.Л. Общая психология. — 1991.
4. Данилина И.В. Сущность зависимого поведения. — 2002.
5. Завьялов В.Ю. Мотивы и потребности. — 1986.
6. Кесельман Л. Наркотическая зависимость. — 2000.
7. Кон И.С. Психология зависимого поведения. — 1989.
8. Реан А.А. Становление психологической службы. — 1993.
9. Столин В.В. Основы психотерапии. — 1989.
10. Фельдштейн Д.И. Кризисы подросткового возраста. — 1999.
11. Фрейд А. Психология «Я» и защитные механизмы. — 1993.
12. Фрейд З. Введение в психоанализ. — 1999.
13. Шабалина В.В. Зависимое поведение. — 2001.

КУЛЬКОВА ЕВГЕНИЯ ЯКОВЛЕВНА
кандидат педагогических наук, доцент кафедры гендерологии и фамилистики СПбГИПСР

ИЗУЧЕНИЕ РОЛЕВЫХ ПОЗИЦИЙ В МЕЖПОКОЛЕННОЙ СЕМЬЕ

АННОТАЦИЯ. В статье приведены результаты исследования бабушек из семей Тюменской области. В ней отражены особенности ролей, выполняемых бабушками в зависимости от возраста и индивидуальных особенностей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: психологическое наследие, прародители, ролевое поведение, этапы прародительства.

Взаимоотношения поколений можно рассматривать как психологическое наследование; как личные отношения бабушек, дедушек с детьми и внуками. Переориентация на внутрисемейные отношения является закономерным этапом психической жизни пожилого человека.

Наш современник, россиянин пожилого возраста, по мнению О. В. Красновой, весьма озабочен жизнью и судьбой детей и внуков, считает их проблемы собственными. Высказывания людей старшего поколения свидетельствуют о том, что они вовлечены в проблемы близких, часто соотносят цели и планы своей жизни с событиями, происходящими в жизни молодого поколения. И это может быть расценено как благоприятный факт [2].

При анализе и характеристике собственной «Я-концепции» пожилого человека, подчеркивает И. Ф. Шахматов, нередко можно встретить описания особенностей детей и внуков, рассказы об их жизни, акцентирование внимания на их успехах и достижениях. Такая ориентация пожилых людей сохраняет перспективу личностного развития, способствует осознанию ценности своего «Я».

Отношения с близкими, выбор повседневной формы занятости составляют для пожилого человека основное содержание жизни. Процессы социализации в этот период заключаются в замыкании на интересах узкого социального пространства (в данном случае — семьи) и могут выступать одним из механизмов адаптации пожилого человека к современной ситуации [5].

По мнению И. В. Шаповаленко, семья — то близкое социальное окружение, которое призвано предложить своему старшему родственнику психологическую поддержку, обеспечивая жизненное пространство для самореализации, создавая новые смыслы жизни помимо его профессиональной роли. Однако многие пожилые люди вообще не могут сказать что-то определенное по поводу того, чего ждут от них в семье. Другие воспринимают ожидания своих семей, направленные на них, как

хозяйственно-бытовую поддержку, как помощь по дому и практически не упоминают о востребованности их жизненного опыта и личностных качеств [4].

Вопрос о выборе способа жизни, самоопределения в пожилом возрасте, в том числе достойного места в семейной структуре, остается открытым. Связь старших и младших поколений в обществе и семье как механизм психологического наследования изучен недостаточно.

Как показали наши беседы, чувства членов семьи по отношению к предкам варьируют между:

- гордостью за выдающихся предков без какой-либо надежды на то, чтобы превзойти их достижения;

- идеализацией (романтическая или парадоксальная, ориентирующаяся на одну, своеобразно выхваченную, черту — «бодрая старушка»);

- соперничеством — я смогу стать лучше.

В целом, молодое поколение к прародителям испытывает более интенсивные чувства, чем к родителям: «к прародителям относятся с благоговением или ужасом, тогда как родители вызывают восхищение или страх» [2; 5].

Отечественные психологи Э. Г. Эйдемиллер и В. Юстицкис рассматривают патологизирующее семейное наследование, характерное для дисфункциональных семей, как формирование, фиксацию и передачу эмоционально-поведенческого реагирования от прародителей к родителям, от родителей к детям, внукам и т.д. Ригидные, иррациональные, жестко связанные между собой убеждения, заимствованные у представителей старшего поколения, формируют личность, малоспособную к адаптации, страдающую пограничными нервно-психическими расстройствами [6, с. 63-72].

Можно сожалением отметить, что пока большее внимание специалистов привлекают именно явления искающего влияния неосознаваемых детерминант на поведение молодого человека, явления «негативного» психологического наследования. Возможно, это происходит из-за того, что

в поле интереса психологов и психотерапевтов попадают, прежде всего, люди, не разрешившие своих внутренних конфликтов, находящиеся в состоянии кризиса.

Частично они осознаются и формулируются носителем в сжатой форме в виде любых поговорок, наказов детям, комментариев к ситуациям: «Будь верным и честным, но покажи, на что ты способен» или «У нас все должно быть, как в лучших домах». Большой же частью они остаются неосознанными, воздействуют не явно.

Классификацию прародителей по критерию выполняемой ими внутрисемейной роли предлагают отечественный психолог О. В. Краснова:

- формальные прародители — строят отношения в соответствии с социальными предписаниями о роли старшего в семье;
- суррогатные прародители — берут на себя ответственность и заботу о внуках;
- источник семейной мудрости — осуществляют связь с семейными корнями;
- затейники — организуют отдых и досуг внуков;
- отстраненные — редко включены в реальную жизнедеятельность детей и внуков и семьи в целом.

Приобретение новой внутрисемейной роли (роли бабушки) сопровождается существенной перестройкой сложившейся иерархии отношений, поиском гармонии возникшей социальной роли и уже имеющихся ролей (у женщин — роли жены, мамы, свекрови или тещи), которые часто противоречат друг другу. Освоение прародительского статуса требует выработки новой внутренней личностной позиции [2; 4].

Оптимальная готовность бабушек, как отмечает А. С. Спиваковская, состоит в осознании своей собственной особой роли. Прародители понимают ценность внуков, появление которых означает новый этап их жизненного пути, повышает общественный престиж, удлиняет жизненную перспективу, создает новые источники удовлетворенности жизнью. Наряду с оказанием некоторой помощи — бытовой, материальной, бабушки выступают в роли связующего звена между прошлым и настоящим семьи, передают традиции и проверенные ценности, окружают внуков поистине безусловной любовью. Незрелость, неготовность прародителей выражается в том, что они вообще отказываются от новой позиции, защищаясь против нее («ребенок ваш», «нам тоже никто не помогал») либо, напротив, «с восторгом и усердием» захватывают, узурпируют родительскую роль, лишая ее молодых родителей [1; 3].

А. С. Спиваковская приводит примеры двух типов бабушек, не нашедших удачного сочетания ролей: «бабушка-жертва» и «бабушка-соперница».

«Бабушка-жертва» воспринимает роль бабушки как центральную для себя, взваливает на свои плечи груз хозяйствственно-бытовых и воспитательных забот, отказавшись от профессиональной

деятельности, ощущая ограничив дружеские контакты и досуг. Сделав заботы о семье, детях и внуках смыслом своего существования, пожертвовав другими сторонами личной жизни, эта женщина периодически испытывает противоречивые чувства, включающие недовольство близкими, обиду за недостаточную благодарность с их стороны, тоску и раздражение. Характерная позиция внуков такой бабушки — любовь к ней и вместе с тем зависимость, привычка к опеке и контролю, трудности самоконтроля и общения с другими детьми.

«Бабушка-соперница», на первый взгляд, более рационально совмещает свои разноплановые обязанности, продолжает работать, посвящая внукам выходные и отпуска. Неосознанная тенденция ее прародительства состоит в соперничестве с дочерью или невесткой в том, чтобы быть лучшей, более успешной «матерью» внучку. В этом случае идет поиск ошибок и промахов родителей ребенка, а все успехи в воспитании приписываются ею себе, хотя иногда и возникает чувство вины и раскаяния за непримиримость по отношению к собственным взрослым детям. Внуки улавливают конфликтность взаимоотношений взрослых членов семьи и либо винят себя за это, остро ощущая свою неполноценность, либо pragmatically используют противоречия позиций взрослых [3].

Нами проведено эмпирическое исследование вклада бабушек в жизнь семьи детей и взаимоотношений бабушек с внуками. В исследовании участвовали 240 бабушек, их дети и внучки, проживающие в небольших городах Тюменской области, в возрасте от 45 до 65 лет. При анализе результатов нами учитывался ряд параметров: возраст бабушек, возраст внуков, образование, совместное или раздельное проживание с детьми, факт продолжения трудовой деятельности, характер родственных связей (внук/внучки от сына или дочери), частота контактов.

Специально разработанная нами анкета включала вопросы совместных занятий бабушек с внуками; представлений бабушек о воспитании внуков; о системе поощрений и наказаний внуков; о надеждах на будущее; о помощи детям в воспитании внуков; о причинах беспокойства о здоровье внуков; о конфликтах с детьми; о роли семьи в жизни старшего поколения.

По результатам анализа полученных данных можно сделать вывод, что воздействие бабушек на младших членов семьи, их вклад в воспитательный потенциал семьи трудно оценить однозначно. Сложные и противоречивые отношения связывают подчас родителей и их взрослых детей и внуков. Психологический климат в семье и характер влияния на ребенка зависят от качества этих взаимоотношений. Так, например, одностороннее доминирование в семье матери, а тем более бабушки по материнской линии, выступает как фактор, увеличивающий вероятность невротических нарушений у детей.

По данным наших исследований, дополнительная роль бабушек в большинстве случаев приносит

глубокое удовлетворение людям среднего возраста. Это деятельность по воспитанию нового поколения, но свободная от многих обязанностей и напряженных конфликтов, характерных для детско-родительских отношений.

В группе респондентов выделились такие типы бабушек:

- 35% — «активные», «увлеченные» или «гармоничные» — сочетают высокие идеальные представления о роли бабушки и реальную сильную вовлеченность в жизнь внуков;
- 25% — «далекие» или «отстраненные» — имеют заниженные социальные и личностные представления о социальной роли бабушек и занимают обособленную позицию по отношению к проблемам внуков;
- 20% — «формальные» или «символические» — имеют высокий социально-нормативный образ бабушки при ограниченности реальных взаимоотношений с внуками;
- 15% — «обычные» или «индивидуальные» — акцентированы личностные аспекты поведения;
- 5% — «чужие» — вообще не принимающие участия в воспитании внуков и не общающиеся с ними.

«Обычные бабушки» принимают участие в уходе за внуками и в их воспитании, однако под воспитанием они скорее подразумевают помочь в бытовом уходе за ребенком (приготовление обедов, кормление, гуляние, купание и т.д.) и/или материальное обеспечение семьи. Согласно проведенному опросу, 15% бабушек относится к типу «обычной». Они вместе с внуками смотрят телевизионные передачи, читают им, гуляют с ними, летом, как правило, проводят время вместе (например, на даче). В приготовлении уроков, в играх, культурном просвещении внуков бабушки этого типа участвуют незначительно. Они поощряют внуков «похвалой» их действий, объятиями, поцелуями; покупками мороженого, сладостей, фруктов, игрушек, другими подарками (ролики, кассеты, вещи). При этом обычно делают это «просто так» или «за хорошее поведение», «за то, что они маленькие». В качестве же наказаний «в случаях плохого поведения», непослушания предпочитают ограничивать общение с ними или поругать.

«Активные», «увлеченные бабушки» имеют высокую степень вовлеченности в досуг и проблемы своих внуков. Они заботятся о внуках, балуют их, помогают делать уроки, играют с ними, ходят в театры и на выставки, что требует больше усилий, моральных и физических. Увлеченные бабушки чаще отмечают и поддерживают у внуков проявления доброты, сочувствия, помощи; чувствительны к моментам, когда внукам требуется поддержка, ободрение. Такие бабушки более всего отмечают свои желания: «Хочу помочь в уходе за внуками», «Хочу накопить денег на обучение внuka», «дождаться свадьбы внучки» и т.п.

В качестве наказания за «вранье, лень, грубость» ругают, запрещают смотреть телевизор или

ходить в гости, могут дать внуку подзатыльник или не общаться, т.е. они проявляют большую активность в наказаниях, по сравнению с бабушками предыдущего типа, и считают, что имеют на это право.

«Далекие», «отстраненные бабушки» затрачивают на внуков гораздо меньше времени. Внуки таких бабушек с рождения воспитывались или только родителями, или с помощью старшего поколения «с другой стороны», т.е. бабушки «отстраненного» типа не имели и продолжают не иметь каких-либо обязанностей по отношению к внучке. В высказываниях отстраненных бабушек очень часто встречаются противоречия.

На основании мнений самих бабушек нами выделены четыре функции прародителей в семье, имеющие характер общей важной идеи как для самого прародителя, так и для других членов семьи.

1. «Присутствие в семье» — 25%, как символ стабильности, как интегрирующий центр, как сдерживающий фактор при угрозе распада семьи.

2. «Семейная «национальная гвардия» — 25%, такие бабушки призваны быть рядом в трудный момент, оказать поддержку в кризисной ситуации.

3. «Арбитры» — 20%, согласование семейных ценностей, разрешение внутрисемейных конфликтов.

4. «Сохранение семейной истории» — 15%, создание ощущения преемственности и единства семьи.

5. «Приумножение семейных традиций» — 15%, сохранение семейных праздников, правил и обязательств конкретной семьи.

Проведенное исследование позволило отметить возрастные этапы в развитии роли бабушек и описать динамику семейной жизни пожилых женщин на разных стадиях жизненного цикла.

Первый этап — «молодая бабушка» — начинается для женщины в возрасте 47-55 лет. В нашей выборке таких бабушек — 110, что составляет 46% от общего числа опрошенных.

Как правило, они продолжают активно трудиться, однако берут на себя долговременные обязанности по уходу и/или помощи в уходе за внуком по мере сил и возможностей; чаще становятся «обычной» бабушкой, реже — «активной» или «далекой». В основном занимаются деятельностью, имеющей хозяйственно-бытовую направленность, помогают материально. «Молодая бабушка» редко проживает одиноко, в основном с мужем или вместе с детьми и внуками. Именно в группе «молодых бабушек» наблюдается подмеченная в повседневной жизни закономерность: внучки от дочерей «ближе», чем от сыновей, и бабушки внуков от дочерей больше вовлечены в их жизнь, чаще с ними встречаются.

В дальнейшем, по мере роста внuka, молодые бабушки не перестают помогать детям, хотя объем выполняемых дел уменьшается. Оптимально соотношение возраста бабушки (до 55 лет) и возраста внука (до 11 лет) для максимального развертывания «бабушкиной» деятельности.

Второй этап — «старая бабушка» — наступает после того, как внук достигает 10-11 лет, бабушке обычно 56-62 года.

В этой группе отмечено 100 бабушек, что составило 41,5%.

Появляется новый вид общения с внуками, более равноправный. Если она имеет нескольких внуков, то часто остается в группе «молодых» до тех пор, пока младшему не исполнится 10-11 лет.

Выход на пенсию, особенно в небольшом городе, оказывает влияние на характер отношений с внуком, и часть «обычных» бабушек, преимущественно со средним образованием, переходит в категорию «активных». Некоторые же на этом этапе отдаются, как правило, это женщины, имеющие более высокий уровень образования. Те, кто с первого этапа занимал позицию «отдаленной» или «увличенной» бабушки, редко ее изменяют при сохранении условий проживания.

Если «молодую» бабушку больше волнует здоровье внука, то у «старой» появляются тревоги и опасения в отношении его образования, выбора будущей профессии, друзей, любимых, будущего в целом. На этой стадии уже не имеет особого значения, от кого внуки — от дочери или сына. Она больше, чем молодая бабушка, заинтересована в сохранении семейных традиций, ценностей и в этом видит свою основную роль в семье.

Третий этап — «пожилая женщина», «старая женщина» — в нашей выборке составили 13,5%, начинается после достижения внуками 18-летнего

возраста, когда у взрослых детей и выросших внуков появляются обязанности по отношению к старшим членам семьи, которые сами теперь нуждаются в помощи и уходе в связи с ухудшением здоровья. На этой стадии происходит «переворот» ролей — меняется баланс независимости и автономии всех членов семьи.

Таким образом, этапы прародительства зависят от возраста внуков, социального статуса пожилых женщин и состояния их здоровья. Основной вывод исследования заключается в том, что вклад старшего поколения в семейную жизнь и спектр ролей зависит не только от возраста, образования, условий проживания пожилого человека и видов родственных связей, но также от социальных и личностных норм его жизни, от общественных потребностей и ожиданий.

Представления пожилых женщин о своем ролевом поведении сходны с представлениями других половозрастных групп. Поэтому все выделенные типы бабушек вполне отвечают ожиданиям общества. Однако решение, к какому именно типу примкнет та или иная бабушка, опосредовано личностными факторами, личными нормами бабушек.

Анализ подходов к рассмотрению проблемы взаимоотношений разных поколений в семье показывает, что она скорее поставлена, сформулирована, чем исследована и решена. Связь между поколениями, преемственность опыта имеют важнейшее значение, хотя и не всегда осознаются самими членами семьи, детьми и внуками.

1. Андреева Т.В. Психология современной семьи. Монография. — СПб.: Речь, 2005. — 436 с.
2. Краснова О.В. Роль бабушки: Сравнительный анализ // Психология зрелости и старения. — 2000. — № 3.
3. Спиваковская А. С. Как быть родителями. — М.: Академия, 1999.
4. Шаповаленко И.В. Социальная ситуация развития в пожилом возрасте // Психология зрелости и старения. — 1999. — № 6. — С. 34.
5. Шахматов Н.Ф. Психическое старение. — М., 1996.
6. Эйдемиллер Э.Г., Юстицкий В.В. Психология и психотерапия семьи. — СПб.: Изд-во «Питер», 1999. — 656 с.

МАЛЕЙКО ГАЛИНА УСТИНОВНА

кандидат психологических наук, доцент, зав. кафедрой естественнонаучных и общепрофессиональных дисциплин Старорусского филиала СПбГУСЭ

ОСОБЕННОСТИ ФРУСТРАЦИОННЫХ РЕАКЦИЙ ВОСПИТАННИКОВ ДЕТСКОГО ДОМА И ПАТРОНАТА

АННОТАЦИЯ. Статья отражает особенности фрустрированности детей-сирот детского дома и патроната в ситуациях, когда они сталкиваются с непреодолимыми препятствиями в достижении своих целей. Отмечается, что большинство сирот (в отличие от благополучных детей) воспринимают неприятности в своей жизни как данность, которой уже нельзя избежать. Помещение ребенка в патронатную семью благотворно сказывается на его самоощущении и поведении: приходит в норму степень адекватности, с которой дети оценивают свои неприятности, несколько повышается степень социальной адаптации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: фрустрация, Я-концепция, социальная дезадаптация, материнская депривация, стрессоустойчивость, социальная конформность, интропунитивные реакции, экстрапунитивные реакции, импунистические реакции.

Известно, что одной из основных задач, стоящих перед воспитателями детских домов, является социальная адаптация детей, оставшихся без попечения родителей, поскольку последние, как правило, выросли в асоциальной, часто криминальной среде. Развитие ребенка в атмосфере враждебности и недоверия обществу накладывает, безусловно, свой негативный отпечаток на психическое состояние и поведение формирующейся личности. Это подтверждают как многочисленные наблюдения воспитателей детских казенных учреждений, так и психолого-педагогические исследования русских и зарубежных авторов.

Сегодняшние публикации о положении дел в отечественных детских домах постоянно обращают внимание на жестокость, грубость и агрессивность их воспитанников. Часто подростки из таких учреждений совершают правонарушения именно на почве агрессивности. Исследователи придерживаются на этот счет различных точек зрения.

Самое простое объяснение — плохая наследственность, врожденность агрессивных реакций. Много примеров этого приводят в своей книге московский психиатр М. И. Буйнов. Он описывает случаи, когда фрустрированность детей из детского дома имеет сугубо биологическую природу и по существу должна быть расценена как проявление психического заболевания.

Другие исследователи, акцентируя свое внимание на агрессивности детей-сирот, рассматривают ее как проявление возрастной закономерности, обусловленной половым созреванием. Аргументом против такого объяснения, на наш взгляд, может служить хотя бы то, что агрессивность наблюдается

у таких детей задолго до наступления полового созревания.

В некоторых публицистических статьях мы встречались с идеей о том, что агрессией детдомовцы мстят обществу за свою испорченную жизнь, за плохие условия жизни в детском доме и т.п. Чаще, не без основания, приводят в качестве объяснения различные недостатки воспитания: а) воспитатели мало работают над развитием интересов детей, не умеют увлечь их важным делом, мероприятия в детском доме носят формальный характер; б) воспитатели своим поведением провоцируют агрессивность или сами ведут себя агрессивно, подавая плохой пример воспитанникам. Нельзя не согласиться с утверждениями, что нередко сама система воспитания в детских домах, обезличенная и построенная на казарменных принципах, способствует вспышкам детской агрессивности и неадекватности поведения.

Все это, конечно, правильно. Однако, на наш взгляд, за проявлением агрессивности у детей, оставшихся без попечения родителей, лежат и более глубокие, чисто психологические причины.

Наиболее простое и распространенное психологическое объяснение возникновения агрессии у детей-сирот состоит в том, что агрессия есть следствие неудовлетворенности (фрустрированности) потребности в родительской, материнской любви. Некоторые добавляют, что у этих детей не удовлетворены и все другие социальные потребности: в неформальном общении, в самоутверждении, во взрослом как в идеале и т.п. — и именно эта тотальная неудовлетворенность ведет их к социальной дезадаптации, в целом, и к агрессивности, в частности.